

9. Fitch: *World Growth Still Standing Despite Emerging Market Weakness*. Available at: www.fitchratings.com/site/fitch-home/pressrelease?id=996089.
10. Graft A., Verhulst St., Young A. *Brazil's open budget transparency portal. Making Public How Public Money Is Spent*. 2016, January. Available at: <http://odimpact.org/static/files/case-study-brazil.pdf>.
11. Haan A. de. Do social policies make growth more inclusive? Experiences from China and India. *INCLUDE. Knowledge Platform on Inclusive development Policies*. Available at: <http://includeplatform.net/do-social-policies-make-growth-more-inclusive-experiences-from-china-and-india/>.
12. Hameiri S., Jones L. Rising powers and state transformation: The case of China. *European Journal of International Relations*, 2016, vol. 22, no. 1, pp. 72–98.
13. Kurtz, M., Schrank, A. Growth and Governance: Models, Measures, and Mechanisms. *The Journal of Politics*, 2007, vol. 69, no. 2, pp. 538–554.
14. Lynn L. Jr., Robichau R. W. Governance and organisational effectiveness: towards a theory of government performance. *Journal of Public Policy*, 2013, vol. 33, no. 2, pp. 201–228.
15. Neilson D., Stubbs Th. Competition states in the neoliberal era: Towards third-generation regulation theory. *Competition & Change*, 2016, vol. 20, no. 2, pp. 122–144.
16. Ong L. Fiscal federalism and soft budget constraints: The case of China. *International Political Science Review*, 2012, vol. 33, no. 4, pp. 455–464.
17. Schulz M. S. Inequality, development, and the rising democracies of the Global South. *Current Sociology Monograph.*, 2015, vol. 63, no. 2, pp. 261–279.
18. *Speech by Dilma Rousseff at 70th UN General Assembly*. Available at: <http://www.voltairenet.org/article188874.html>.
19. *Supreme Audit Institutions and Good Governance. Oversight, insight and foresight*. OECD, 2015, 141 p.
20. Wampler B. Entering the State: Civil Society Activism and Participatory Governance in Brazil. *Political Studies*, 2012, vol. 60, no. 2, pp. 341–362.
21. Zheng Y. *Globalization and State Transformation in China*. Cambridge, Cambridge University Press. Publ., 2004, 288 p.
22. Zheng Y. *De Facto Federalism in China: Reforms and Dynamics of Central – Local Relations*. Singapore, World Scientific, 2007, 460 p.

МЕЖСЕКТОРНОЕ ПАРТНЕРСТВО И НЕКОММЕРЧЕСКИЙ СЕКТОР КАК РЕСУРС АНТИКРИЗИСНОГО РАЗВИТИЯ

Никовская Лариса Игоревна, доктор социологических наук, профессор
Институт социологии РАН
Российская Федерация, 117218, г. Москва, ул. Кржижановского, 24/35, к. 5
E-mail: nikovsky@inbox.ru

Молокова Маргарита Александровна, доктор политических наук, профессор
Юго-Западный государственный университет
Российская Федерация, 305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94
E-mail: peggy2007@yandex.ru

Рассматривается вклад некоммерческих организаций в решение задач антикризисного развития. Обладая возможностью выражать самые разнообразные и конкретные интересы больших и малых общественных групп, сегодня они составляют наиболее разветвленный и в совокупности наиболее весомый сектор гражданского общества. В стране наметилась тенденция перераспределения центра тяжести гражданской активности от политических партий в сторону неполитических общественных объединений. Это обусловлено снижением эффективности функционирования институтов государства, ответственных за четкую и бесперебойную систему жизнеобеспечения. Естественным путем начало складываться межсекторное социальное партнерство в решении повседневных социальных задач. В итоге складывается новая и, по-видимому, жизнеспособная модель развития российского «третьего сектора», для которой характерны доминирование внутренних движущих сил, широкое разнообразие целей и форм гражданской активности, разветвленная система механизмов и технологий взаимодействия с государством. И в этом качестве межсекторное партнерство

способствует формированию новых форматов публичной политики и общественно-государственного управления.

Ключевые слова: некоммерческие организации, межсекторное партнерство, гражданский активизм, публичная политика, общественно-государственное управление

CROSS-SECTOR PARTNERSHIPS AND NON-PROFIT SECTOR AS A RESOURCE OF ANTI-CRISIS DEVELOPMENT

Nikovskaya Larissa I., D.Sc. (Sociology), Professor
Institute of Sociology RAS,
Build. 5, 24/35 Krzhizhanovskogo Str., 117218, Moscow, Russian Federation
E-mail: nikovsky@inbox.ru

Molokova Margarita A., D.Sc. (Politics), Professor
Southwest State University
94, 50 Let Oktyabrya Str., Kursk, 305040, Russian Federation
E-mail: peggy2007@yandex.ru

The article discusses the contribution of nonprofit organizations in the solution of problems of anti-crisis development. With the ability to express the most diverse and specific interests of large and small community groups, they today constitute the most extensive and, in aggregate, the most significant sector of civil society. In the country there is a tendency of redistribution of the center of gravity of civic engagement from political parties towards non-political public associations. This is due to the decrease in the efficiency of operation of the state institutions responsible for clear and uninterrupted life-support system. By natural means beginning to develop cross-sectoral social partnership in solving everyday social problems. In the end, there is a new and apparently viable model of development of the Russian third sector, which is characterized by the dominance of internal driving forces, a wide variety of purposes and forms of civic activity, an extensive system of mechanisms and technologies of interaction with the state. And, as such, cross-sectoral partnerships promotes new formats of public policy and public management.

Keywords: non-profit organizations, cross-sectoral partnership, civic activism, public policy, public management

Российское общество вошло в нынешний кризис со значительным грузом социальных проблем, доставшихся нам в наследство от непродуманных младолиберальных реформ 1990-х гг. и последствий финансово-экономического кризиса конца «нулевых», которые существенным образом снизили качество человеческого капитала. Мы наблюдаем в определенной степени деградацию социальной сферы. Расходы на содержание социальной сферы постоянно урезаются, особенно в реальном исчислении (с учетом инфляции). Так, расходы на социальную политику в 2013 г. составляли 28,7 % федерального бюджета, в 2014 г. – лишь 25 %, а в 2015 г. – 25,4 %. Расходы на образование сократились с 5 % в 2013 г. до 4,7 % в 2014 и 4 % в 2015 г. Расходы на здравоохранение в 2013 и 2014 гг. составили по 3,8 % расходов федерального бюджета, а в 2015 г. сократились до 2,7 %. Не радует нас и статистика по состоянию бедности нашего населения. Согласно декабрьскому отчету Росстата в стране наблюдается рост бедных (т.е. людей с доходом ниже прожиточного минимума): к сентябрю 2015 г. их число составило 20,3 млн человек против 18 млн человек за тот же период 2014 г. Таким образом, число бедных россиян составляет более 14 % от общего числа жителей страны [1]. Эксперты Аналитического центра при Правительстве РФ сходятся во мнении, что официальный уровень бедности в России в 2015 и 2016 гг. будет расти на 2 п.п. – до 16 % и достигнет максимума с 2005 г. Не снижается или медленно снижается сверхсмертность населения в трудоспособном возрасте от предотвратимых причин. Среди них 80 % мужчины. Отмечается неблагоприятная структура смертности, в которой высока доля внешних факторов: наркотиков, алкоголя, дорожно-транспортных происшествий, хулиганства. Россия занимает первое место в Европе по количеству суицидов. Все это обуславливает латентную

социальную напряженность в стране, крайне неблагоприятную для трансформационных процессов, особенно в условиях кризиса.

Сегодня государство менее чем когда-либо способно самостоятельно справиться с грузом накопившихся социальных проблем. Надо распрощаться с иллюзией, что только одно государство может обеспечить благосостояние граждан и начать выстраивание новых подходов к решению социальных проблем, предполагающих создание паритетных, партнерских связей с гражданскими инициативами. В условиях явных провалов рынка и государства более жизнеспособным и тонким элементом «сшивания» социальной ткани выступили те организации гражданского общества, которые получили во всем мире название некоммерческих (далее – НКО). Таким образом, понятие гражданского общества приобрело новое измерение в связи с развитием сектора некоммерческих организаций, или «третьего сектора». Под неприбыльным («третьим») сектором понимается совокупность (система) групп населения и организаций, не ставящих перед собой целей увеличения личного дохода непосредственно через участие в работе таких групп и организаций или через владение ими. Термин «неприбыльные» означает, что получаемая в результате деятельности таких групп и организаций прибыль не распределяется между их участниками, а идет на реализацию целей группы или организации. Первые два сектора – это совокупность государственных институтов и деловых частных организаций и предприятий. В. Ходкинсон и К. Маккарти рассматривают «третий сектор» как сферу активности, развиваемую между семьей и более широкими бюрократическими секторами прибыльного бизнеса и правительства [2, р. 1–25]. В рамках этой концепции говорят о неприбыльном секторе, секторе добровольной активности, «третьем секторе», неправительственном секторе. Для всех подобных организаций характерна деятельность ради общественного благополучия. Главной функцией таких организаций в той или иной степени является расширение пределов свободы и наделение населения властью, вовлечение населения в процесс социальных изменений и активности, в развитие социальной защиты. Организации «третьего сектора» ближе всего расположены к массовым слоям общества, более активно взаимодействуют с ним, выражают его ожидания и формируют его «качество». Если иметь в виду эти признаки, то органичным для сектора предстает такой путь развития, при котором основной движущей силой выступает естественное стремление людей сотрудничать для реализации альтруистических устремлений и коллективного обустройства своей частной жизни. Этому, вообще говоря, соответствует развитие «снизу вверх», максимальное разнообразие и децентрализация, преобладание горизонтальных связей над иерархическими и опора на добровольно предлагаемые ресурсы: взносы, пожертвования, трудовой вклад и т.д.

Обладая возможностью выражать самые разнообразные и конкретные интересы больших и малых общественных групп, сегодня они составляют наиболее разветвленный и в совокупности наиболее весомый сектор гражданской сферы. Многие западные исследователи относят появление подобного рода новых общественных ассоциаций к понятию «новые общественные движения», в противовес старым, основу которых составляли профсоюзы [3]. Преимущества НКО перед госсектором в сфере тонкой «настройки» социальной ткани общества очевидны. Во-первых, НКО отличается глубокое знание проблем, наличие высококвалифицированного персонала, адресность, гибкость и быстрота реагирования. Во-вторых, НКО менее бюрократизированы, для них характерны преобладание горизонтальных связей и плюрализм в принятии решений. В-третьих, действия НКО более эффективны (в частности, за счет более низких расценок и привлечения волонтеров) и обеспечивают значительную экономии государственных средств, сводят к минимуму случаи нецелевого использования финансов. Глобализация открыла перед сектором неправительственных организаций новые перспективы и поставила новые проблемы. На мировой арене НКО гораздо раньше правительств и финансово-промышленных групп объединились в международные сети, причем в целях более благородных и гуманных, нежели получение

сверхприбылей и установление финансово-политического контроля над странами «третьего мира».

Представляется, что некоммерческое сообщество в посткоммунистических странах и, в частности, в современной России, можно рассматривать как *ядро*, основную, более современную часть гражданского общества, потому что в этом сообществе в наибольшей степени сохранился сегодня приоритет гражданских и моральных ценностей. Можно надеяться также, что именно отсюда реальные гражданские и моральные стандарты распространятся на другие части гражданского общества, на политическое сообщество в виде отрицания имморализма в политике и экономическое сообщество в виде новой этики бизнеса или корпоративной морали. Именно разочарование в качестве политических процессов в «нулевые» годы, нарастание в них большой доли отчуждения от власти и имитации заставили многих активных членов общества искать проявление своей социальной активности в решении «малых» дел в среде некоммерческого сектора.

Немаловажным моментом стремительного конституирования НКО и их органичного встраивания в социальную ткань общества стала мобилизация в рамках НКО социально-инновационных сил общества. Учитывая значительный раскол российского общества по социокультурным и экономическим осям, опору социально-ориентированной политической реформации следует искать в тех слоях общества, которые, не образуя большинство, осознанно заинтересованы в продолжении социально-политических изменений. Имеются в виду все те весьма разнородные в социально-профессиональном отношении группы, которые объединяет инновационная ориентация, практическое участие в модернизационном процессе. В их числе значительная часть среднего и малого бизнеса, современный менеджмент, множество представителей науки, образования, медицины и других видов высококвалифицированного труда, а также простые люди, в том числе широкие слои молодежи. Обнаружив благоприятную институциональную нишу в лице НКО, социально-инновационные силы сформировали тот сектор гражданского общества, который сегодня вполне конкурентоспособен наравне с аппаратно-бюрократическими силами по своим организационным, профессиональным и научно-техническим критериям.

В настоящее время в стране насчитывается 226836 некоммерческих организаций (без государственных и муниципальных учреждений)[4]. Среди них 22 % занимаются оказанием социальных услуг, 17 % – культурных и образовательных, столько же правозащитных, 11 % развивают жилищно-коммунальные виды деятельности и т.д. Показателями развития «третьего сектора» является не только разнообразие и широта спектра НКО, но и количество людей, вовлеченных в сферу гражданской активности. Услугами НКО при решении различного рода социальных проблем (социальное сиротство, борьба с наркоманией и туберкулезом, гуманитарная помощь и реабилитация, экологические проблемы) ежегодно пользуются 15 % населения страны. НКО стали и фактором экономического роста, в их рамках создано более миллиона рабочих мест.

С конца 2010-х гг. в российской правовой практике появляется институт общественно-полезной деятельности НКО. Возник новый статус НКО – социально ориентированные некоммерческие организации (далее СО НКО), деятельность которых направлена на решение значимых социальных проблем. Можно утверждать, что с 2010 г. в России стали складываться предпосылки для нового этапа развития межсекторного социального партнерства. Закон № 40-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций», по сути дела, определил направления развития новых конструктивных механизмов межсекторного партнерства (далее – МСП), суть которых содержательно была очерчена постановлением Правительства РФ от 23 августа 2011 г. № 713б. Развитие этих механизмов шло благодаря целенаправленной и интенсивной деятельности Департамента инновационного развития Минэкономразвития РФ на федеральном уровне и соответствующих уполномоченных органов исполнительной власти на

региональном уровне при активном участии экспертов из других министерств и ведомств, представителей успешных СО НКО и ученых.

Таким образом, мы видим, что в последнее время наметилась тенденция перераспределения центра тяжести гражданской активности от политических партий в сторону неполитических общественных объединений, что свидетельствует об определенном росте гражданского активизма и новом этапе межсекторного социального партнерства [5, с. 10]. В целом идет «процесс импортозамещения институтов и ресурсов российского «третьего сектора»: 1) постепенно усиливаются самоорганизация граждан (прежде всего, относящихся к среднему классу) и филантропическая активность бизнеса; 2) ведущая роль в финансировании НКО переходит от зарубежных источников к отечественным; 3) ослабевает влияние зарубежных доноров на формирование приоритетов сектора и моделей поведения ячеек; 4) происходит структурный сдвиг в пользу неполитизированной благотворительности, образовательной и культурно-досуговой деятельности; 5) складываются предпосылки постепенной консолидации сектора» [6, с. 43–58].

Говоря коротко, впервые в постсоветской истории начала формироваться ситуация, когда *развитие «третьего сектора» идет по-настоящему «снизу», на собственной (а не государственной или внешней) ресурсной и институциональной основе*. Социальной базой сектора становится формирующийся средний класс. Это происходит в условиях, когда большинство населения проявляет «усталость» от политики, переключившись на обустройство частной жизни, когда широкие групповые интересы, в условиях незавершенности социальной модернизации, слабо отрефлексированы и артикулированы еще не полностью, а самоорганизация достигается, прежде всего, в *локальных общностях*, складывающихся вокруг ближайших повседневных проблем. Но вектор развертывания самоорганизации «снизу вверх и виширь», насколько можно судить, определился. В итоге складывается новая и, по видимому, жизнеспособная модель развития российского «третьего сектора», для которой характерны доминирование внутренних движущих сил, широкое разнообразие целей и форм общественной активности, достаточно мирное сосуществование «плюрализма взглядов», и распространенность идеологически нейтральных инициатив, а также сосуществование и постепенная конвергенция несхожих организационных культур. Данная модель, в принципе, благоприятствует, пусть и не быстрому, формированию плотной среды добровольных общественных взаимодействий некоммерческого характера с перспективой усложнения их форм и актуализации менее «приземленных» интересов.

Жесткие уроки системного финансово-экономического кризиса продемонстрировали, что взаимодействие, межсекторное партнерство, совместная реализация социально-значимых программ, которые по собственной инициативе предлагает некоммерческое сообщество страны – это не только полезные для жителей конкретных территорий дела, но и создание нормальной, стабильной обстановки на территориях действия гражданских инициатив, без чего невозможна никакая созидательная деятельность. Формирование консолидированных и созидательных практик и установок через МСП – важнейший технологический и ценностный ресурс некоммерческих организаций. Между тем, социальная консолидация является фундаментальной основой развития российского общества, необходимым условием инновационного прорыва в развитии страны, выполнения стратегических планов, которые были декларированы руководством страны.

Сегодня можно сказать, что уровень социальной активности населения постепенно растет, патерналистские ориентации и расчет на помощь государства постепенно ослабевают [7, с. 119]. В этих условиях деятельность НКО, гражданские инициативы, отражающие реальные интересы людей, будут получать все большую социальную поддержку и завоевывать доверие населения. Усиливается участие НКО в социально-политической сфере. Если раньше это участие сводилось к критике власти со стороны правозащитных организаций, то сегодня правозащитные организации все более высту-

пают в роли конструктивных партнеров в решении проблем противодействия коррупции, контроле пенитенциарной системы, помощи детям-сиротам и пр. Более 18 % граждан при защите своих социальных и политических прав готовы обратиться к общественным и правозащитным организациям. Все это свидетельствует, что гражданский активизм некоммерческого сектора становится важным ресурсом укрепления легитимности политической системы, основой антикризисного развития. Однако многие усматривают в этом возрастание рисков втягивания «третьего сектора» в политические процессы. Гражданские инициативы действительно участвуют в политике, но какой? Русскому слову «политика» соответствуют два англоязычных термина – “politics” (борьба за завоевание и удержание власти) и “policy” (разработка и реализация программ деятельности власти различного уровня, направленных на решение тех или иных общественно-значимых проблем с участием общественности, деловой инициативы, одним словом, всех вовлеченных сторон). Это последнее направление политической науки, которое переводится на русский язык как «публичная политика», а на английском звучит как “public policy”, и есть «политика» во втором смысле термина – политика как процесс принятия и реализации политико-управленческих решений. Если же обратиться к “public policy” как направлению исследований в Америке и европейских странах, то оно содержательно связывается с процессом подготовки, обсуждения, принятия и исполнения политико-управленческих решений, включающим участие в этих процессах не только властных структур, но других заинтересованных участников этого процесса – групп влияния, защитников интересов тех или иных меньшинств, общественных организаций и пр., а также экспертного сообщества. Фокус понимаемой в этом смысле «политики» смещается именно к исследованию процесса взаимодействия государства и гражданского общества (гражданских инициатив). А эти аспекты подводят нас к исследованию качества государственного управления и такого явления как “governance” («со-управление»), авторство концептуальной проработки которого принадлежит перу Реда Роудса. Он, в частности, отмечает, что «концепция “governance” позволяет уйти от различия между государством и гражданским обществом», чтобы избежать чрезмерной абсолютизации вертикально-ориентированных отношений в сложном, сетевом обществе [8, с. 51–74]. Российский НКО-сектор целенаправленно избегает политизации и лобового втягивания в политику (в смысле politics), но очень активно входит и заявляет себя в публичной политике (policy), создавая институциональную инфраструктуру эффективного взаимодействия с органами власти. Это отразилось и на новом качестве взаимодействия власти и гражданского общества, которое известный исследователь МСП В.Н. Якимец обозначил как общественно-государственное управление [9, с. 37–48]. Политика, нацеленная на развитие общественно-государственной кооперации, особенно в социальной сфере, в силу выше перечисленных проблем может быть рассмотрена как кумулятивная стратегия развития нового качества публичной политики с учетом сектора социально ориентированных некоммерческих организаций. Именно в социальной сфере происходит в настоящий момент практическое «доставление» государственного (муниципального) управления различными формами участия в нем получателей государственных услуг, референтных групп ведомств, новых, в том числе электронных форм «обратной связи», общественного контроля и разнообразных консультационных механизмов. Среди наиболее известных явлений: 1) формирование вмененных тематических обязательств, запускающих консультационных механизмы, например в виде «публичных обсуждений», оценки регулирующего воздействия и т.п.; 2) «перезапуск» общественных советов при органах власти и учреждениях как институтов со-управления; 3) внедрение «независимой оценки» как процесса успешного взаимодействия в управлении качеством в социальной сфере; 4) участие в повышении качества и доступности социальных услуг для негосударственных субъектов как целевой ориентир со-управления в социальной сфере и одновременно в государственной поддержке НКО.

Таким образом, мы видим, что и государство, и гражданское общество в лице своих гражданских инициатив должны выходить на уровень равноправного партнер-

ства, ибо оба актора социально-политического процесса заинтересованы в повышении эффективности государственного и муниципального управления, легитимности политической власти, уровня доверия к принятым и реализуемым управленческим и политическим решениям, что невозможно представить без расширения участия гражданского общества в этом процессе. Возрастающая сила и активность «третьего сектора» неуклонно толкают российское государство к завершению процесса его демократического реформирования. Реформирующееся в направлении демократических ценностей государство способствует укреплению гражданских и деловых инициатив граждан, поднимая на необходимый уровень их политическую культуру.

Роль некоммерческого сектора в процессах посткризисного развития трудно переоценить. Это и понятно, поскольку в нынешних, достаточно жестких временных границах, усилиями одного государства, пораженного системной коррупцией и неэффективной бюрократией, невозможно решить ни одну из заявленных принципиальных проблем – перехода на инновационный путь развития, формирования «экономики знаний», улучшения качества жизни и состояния человеческого и социального капитала, формирования реальных субъектов экономического и политического прорыва.

Список литературы

1. Аналитики предсказали максимальный за 11 лет уровень бедности в 2016 году. – Режим доступа: <http://www.rbc.ru/economics/25/12/2015/567c8c119a794756b0d9631b>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
2. McCarthy K. D. The Nonprofit Sector in the Global Community. Voices from Many Nations / K. D. McCarthy, V. A. Hodgkinson, R. D. Summariwalla and Associates. – San Francisco : Jossey-Bass Publ., 1992. – P. 1–25.
3. Cohen J. Strategy and identity: new theoretical paradigms and contemporary social movements / J. Cohen // *Social Research*. – 1985. – Vol. 52, № 4.
4. Министерство юстиции РФ. – Режим доступа: <http://unro.minjust.ru/NKOs.aspx>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
5. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2010 год. – М. : ОП РФ, 2011. – С. 10.
6. Якобсон Л. И. Российский третий сектор: от импорта к импортозамещению / Л. И. Якобсон // Некоммерческий сектор: экономика, право, управление. – М. : ГУ-ВШЭ, 2007. – С. 43–58.
7. Роль институтов гражданского общества в стратегии инновационного развития и повышения качества социальной среды. – М. : ИСПИ РАН, 2010. – С. 119.
8. Роудс Р. Новый метод управления: управление без правительства / Р. Роудс // Публичная политика: от теории к практике / сост. и научн. ред. Н. Ю. Данилова, О. Ю. Гурова, Н. Г. Жидкова. – СПб : Алетейя, 2008. – С. 51–74.
9. Никовская Л. И. Институциональное развитие межсекторного партнерства в России / Л. И. Никовская, В. Н. Якимец // Политические исследования. – 2016. – № 5. – С. 37–48.

References

1. *Analitiki predskazali maksimalnyy za 11 let uroven bednosti v 2016 godu* [Analysts had predicted a maximum of 11 years, the poverty rate in 2016]. Available at: <http://www.rbc.ru/economics/25/12/2015/567c8c119a794756b0d9631b>.
2. McCarthy K. D., Hodgkinson V. A., Summariwalla R. D. and Associates. *The nonprofit sector in the global community. Voices from many nations*. San Francisco, Jossey-Bass Publ., 1992, pp. 1–25.
3. Cohen J. Strategy and identity: new theoretical paradigms and contemporary social movements. *Social Research*, 1985, vol. 52, no. 4.
4. *Ministerstvo yustitsii RF* [The ministry of justice of the russian federation]. Available at: <http://unro.minjust.ru/nkos.aspx>.
5. *Doklad o sostoyanii grazhdanskogo obshchestva v Rossiyskoy Federatsii za 2010 god* [Report on the state of civil society in the Russian Federation in 2010]. Moscow, Civic Chamber of the Russian Federation Publ., 2011, p. 10.
6. Yakobson L. I. Rossiyskiy tretiy sektor: ot importa k importozameshcheniyu [Russian third sector, from import to import substitution]. *Nekommercheskiy sektor: ekonomika, pravo, upravlenie*

[Non-profit sector: economics, law, management]. Moscow, Higher School of Economics Publ., 2007, pp. 43–58.

7. *Rol institutov grazhdanskogo obshchestva v strategii innovatsionnogo razvitiya i povysheniya kachestva sotsialnoy sredy* [The role of civil society institutions in the development of innovative strategies and improve the quality of the social environment]. Moscow, The Institution of RAS the Institute Socio-Political Research Publ., 2010, p. 119.

8. Rouds R. *Novyy metod upravleniya: upravlenie bez pravitelstva* [New control method: governance without government]. *Danilova N. Yu., Gurova O. Yu., Zhidkova N. G. Publichnaya politika: ot teorii k praktike* [Public policy: from theory to practice]. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2008, pp. 51–74.

9. Nikovskaya L. I., Yakimets V. N. *Institutsionalnoe razvitie mezhsektornogo partnerstva v Rossii* [Institutsionalnoe development of cross-sectoral partnerships in Russia]. *Politicheskie issledovaniya* [Political Researches], 2016, no. 5, pp. 37–48.

НАЕМНЫЙ ТРУД: СТОИМОСТЬ, ЦЕНА, ПРИБАВОЧНАЯ СТОИМОСТЬ (Продолжение, начало в № 3 2016 г.)

Ракоти Валентин Дмитриевич, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник

Научно-исследовательский институт труда и социального страхования
Российская Федерация, 105064, г. Москва, ул. Земляной вал, 34
E-mail: rakoti34@yandex.ru

Проблемы справедливого вознаграждения актуальны в любом обществе и при любом политическом строе. Наемный труд и политика его оценка всегда являются прерогативой государства. В нашем обществе в сознании рядовых граждан и многих политиков сформировалась устойчивая установка, что дефиниции «заработная плата», «оплата труда», «вознаграждение за труд», «доход» – это тождественные понятия. В связи с этим возникают многие коллизии, в том числе в правовой и политической законодательной инициативе. Разъяснению особенностей современного толкования с точки зрения научной обоснованности этих дефиниций посвящена данная статья.

Ключевые слова: наемный труд, стоимость труда, политика государства в области оплаты труда, цена труда, доход, прибавочная стоимость

HIRED LABOR: VALUE, PRICE, SURPLUS VALUE

Racoti Valentin D., D.Sc. (Economics), Professor, Chief Researcher
Research Institute of Labour and Social Insurance
34 Zemlyanoy val Str., Moscow, 105064, Russia
E-mail: rakoti34@yandex.ru

The problems of equitable remuneration are relevant to any society under any political system. Hired labor policy and its evaluation are always the prerogative of the state. In our society in the minds of ordinary citizens and many politicians formed a stable installation that the definition of “wages”, “compensation”, “remuneration”, “income” is synonymous. This raises many conflicts, including in the legal and political legislative initiative. To clarify the peculiarities of modern interpretation from the perspective of the scientific validity of these definitions the focus of this article.

Keywords: hired labor, labor cost, government policy in the field of payment for labour, price of labour, income, added value

Прибавочная стоимость наемного труда

Общеизвестно, что положение о прибавочной стоимости наряду с положениями о трудовой стоимости всех товаров и об эксплуатации рабочего класса составляют основы марксовской теории.

Определение прибавочной стоимости. Из классической политэкономии известно, что развитие производительных сил достигает такого уровня, когда работники производят столько продукции, которой хватает для обеспечения их жизни и еще остается для других целей. Еще П. Прудон указал: «Всякий труд должен ... оставлять не-